
С. М. ШУМИЛО

**«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона
как произведение стиля «плетения словес»**

Понятие «стиль плетения словес» часто используется в исследовательской и учебной литературе по медиевистике применительно к произведениям позднего Средневековья, и в узком смысле — относительно творчества Епифания Премудрого. Нам представляется, что давно назрела проблема уточнения и конкретизации признаков, по которым то или иное произведение древней литературы может быть отнесено к этому стилю.

Определяя художественные параметры этого явления, ученые указывают прежде всего на избыточность словесных прикрас,¹ среди которых особенно выделяют: повторы,² использование амплификации как главного художественного приема,³ абстрагирование,⁴ использование акафистных конструкций,⁵ тропов, заимствованных из патристических похвал,⁶ введение молитвенных интонаций,⁷ нумерологической символики,⁸ пребывание автора в состоянии «панегирической медитации»⁹ и проч. Несмотря на до-

¹ См. об этом: *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 7—56; *Коновалова О. Ф.* Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 325—334.

² *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1998. Т. 2. С. 13; *Авласович С. М., Гриднева Л. Н.* Смысл стиля «плетение словес» // Филологический ежегодник. Омск, 2001. С. 223—229.

³ *Коновалова О. Ф.* Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. СПб., 1983. Т. 37. С. 73; *Авласович С. М.* Литературные источники и роль амплификации в агиографии Епифания Премудрого // Омский научный вестник. 2006. № 6 (42). Сентябрь. С. 125—128.

⁴ См. об этом: *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния... С. 7—56.

⁵ *Шумило С. М.* Акафистные конструкции в Житии Сергия Радонежского // Преподобный Сергий Радонежский : История и агиография, иконописный образ и монастырские традиции. М., 2015. С. 135—141.

⁶ *Алиссандратос Ю. А.* Следы патристических типов похвал в Житии Стефана Пермского // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 64—74.

⁷ *Шумило С. М.* Молитвенные тексты в агиографии «плетения словес» : К проблеме стиля эпохи // РЛ. 2016. № 1. С. 42—56.

⁸ *Кириллин В. М.* Епифаний Премудрый : Умозрение в числах о Сергии Радонежском // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Сб. 6. Ч. 1. С. 115.

⁹ *Прохоров Г. М.* Епифаний Премудрый // Словарь книжников. Л., 1988. Вып. 2 : (Вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. С. 213.

вольно подробное описание стилистических особенностей орнаментального стиля, оно не является исчерпывающим и точно соотносящим произведение исследуемой стилистики с периодом позднего Средневековья, к которому ее традиционно относят. Мы предлагаем рассмотреть стилистические особенности известного произведения митрополита Илариона Киевского с точки зрения его возможного соответствия стилистическим принципам «плетения словес». Такое рассмотрение призвано либо раздвинуть хронологические рамки существования стиля, либо указать на Илариона как на предшественника орнаментализма.

Все черты плетения словес, на наш взгляд, вполне обнаруживаются в произведении Илариона Киевского.

Так, мастера этого стиля, такие как Епифаний Премудрый, митрополит Киприан Киевский, Григорий Цамблак, Пахомий Логофет, начинают свои произведения с восхваления Божества, которое напоминает молитву и, думается, в какой-то мере этой молитвой и является: древнерусский автор, как и древнерусский читатель, привык всякое богоугодное дело начинать с молитвы и заканчивать ею.

Иларион Киевский также начинает «Слово о Законе и Благодати» длинным восхвалением Божества, написанным в полном соответствии с основными художественными принципами орнаментального стиля:¹⁰

«Благословленъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ христианскъ, яко посьти и сътвори избавление людемъ своимъ, яко не презрѣ до конца твари своеа идольскимъ мракомъ одержимъ быти и бѣсовьскимъ служеваниемъ гибнути. Нъ оправдѣ прежде племя Авраамле скрижальми и закономъ, послѣжде же сыномъ своимъ вся языки спасе Евангелиемъ и крещениемъ, вводя въ обновление паки бытия, въ жизнь вѣчную.

Да хвалимъ его убо и прославляемъ хвалимааго от ангель беспрѣстани, и поклонимся ему, емуже поклоняются херувими и серафими, яко, призря, прирѣ на люди своа и не соль, ни вѣстникъ, нъ Самъ спасе ны, не привидѣниемъ пришедь на землю, но истинно, пострадавъ за ны плотию и до гроба и съ собою въскрѣсив ны.

Къ живущимъ бо на земли чловѣкомъ въ плоть одѣвсья приде, къ сущимъ же въ адѣ распятиемъ и въ гробѣ полежаниемъ съниде, да обои, и живии и мертви, познають посѣщение свое и Божие прихождение и разумѣють, яко Тъ есть живымъ и мертвымъ крѣпокъ и силенъ Богъ.

Кто бо великъ, яко Богъ нашъ. Тъ единъ творяи чюдеса».¹¹

Молитвенное начало, связь с богослужебными произведениями, медитативность длинных молитвенных конструкций, которыми прерывается общий ход повествования, — характерные черты «плетения словес». Медиевисты всегда обращали внимание на усиление внимания к молитве и литургийным текстам, которое наблюдается в период второго южнославянского

¹⁰ Мы позволяем себе приводить в настоящей статье длинные цитаты из исследуемого произведения, поскольку иначе невозможно отразить ту «избыточность прикрас», или элементы «панегирической медитации», которые характерны для «плетения словес».

¹¹ Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона / Подгот. текста и коммент. А. М. Молдована, пер. дьякона А. Юрченко // БЛДР / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 1 : XI—XII века. С. 26.

влияния, что и позволило им связать «плетение словес» с учением о непрестанной молитве.¹² Осмелимся предположить, что связь с литургийными произведениями и молитвой прослеживается в древнерусской литературе и на более раннем этапе — в Киевской Руси, как мы это видим на примере «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

Не только молитвенное начало роднит Слово с произведениями «плетения словес». Мы наблюдаем здесь использование амплификации: мысль о том, что Бог Сам пришел и облекся в плоть, повторяется многократно и варьируется. Приведенный отрывок распадается на три части, в каждой из которых мы видим большую и сложную синтаксическую конструкцию. Все три части по-разному развивают одну и ту же мысль: Христос сошел на землю ради важной миссии — домостроительного промысла Божьего.

Так, автор сначала говорит: «яко посѣти и сътвори избавление людемь своимъ, яко не презрѣ до конца твари своеа идольскимъ мракомъ одержимѣ быти и бѣсовьскимъ служеваниемъ гыбнути». Здесь Иларион подчеркивает мысль об оставлении идольского служения как погибельного.

Затем, развивая ту же тему, митрополит пишет: «призря, призрѣ на люди своа и не соль, ни вѣстникъ, нѣ Самъ спасе ны, не привидѣниемъ пришедь на землю, но истинно, пострадавъ за ны плотию и до гроба и съ собою въскрѣсив ны». В этом отрывке он акцентирует внимание на личной жертве Бога-Сына и идее сострадания и со-воскресения.

Далее, в следующей большой синтаксической конструкции, Иларион продолжает развивать тему сошествия Христова в мир, но уже с иными акцентами. Он говорит: «приде <...> да обои, и живии, и мертвии, познають посѣщение свое и Божие прихождение и разумѣють, яко Тѣ есть живимъ и мертвымъ крѣпокъ и силенъ Богъ». Здесь прослеживается желание автора заострить наше внимание на идее богопознания.

Итак, перед нами большая амплификация, созданная при помощи выделения в основной идее — о сошествии Христа на землю ради обожения человека — трех аспектов и раскрытия каждого аспекта в отдельной синтаксической конструкции. Отметим попутно и ее троичную конструкцию —

¹² О влиянии школы исихастов на болгарскую, сербскую и русскую литературы в XIV—XV вв. см.: *Сырку П. А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV—XVII вв. // *СОРЯС*. СПб., 1902. Т. 71. № 2. С. 1—176; *Дуйчев И.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // *ТОДРЛ*. Т. 19 : Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур. М.; Л., 1963. С. 107—129; *Георгиев Е.* Розгръщане на новаторските тенденции в книжовното дело на Евтимий Търновски от неговите ученици и последователи // *Търновска книжовна школа*. Т. II : Втори международен симпозиум. Велико Търново, 1976. С. 37—48; *Иванова К.* Отражение борьбы между исихастами и их противниками в переводной полемической литературе балканских славян // *Actes du XIV-e congrès international des études byzantines*. P. II. Roma, 1975. S. 167—175; *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния... С. 7—56; *Иванова К.* Болгарская переводная литература X—XIV вв. в контексте «Slavia orthodoxa» // *Studia slavica mediaevalia et humanistica* Riccardo Piccio Ducata. P. II. S. 361—371; *Калиганов И. И.* Тысячелетние традиции болгарской литературы // *Родник златоструйный : Памятники болгарской литературы IX—XVIII веков*. М., 1990. С. 3—34; *Турилов А. А.* *Slavia Cyrillomethodiana* : Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья. М., 2010. С. 235—438 и др.

подобную тем конструкциям, которые выстраивал в своих произведениях Епифаний Премудрый.¹³

Амплификация является главным художественным тропом стиля «плетения словес». Суть этого литературного приема заключается в замедлении повествования за счет развития какой-либо одной темы на определенном отрезке текста. Как правило, это касается наиболее важных в данный момент для автора проблем или идей. Для этого он использует разного рода перечисления, синонимические ряды, нанизывание цитат, вводит в текст цепочки эпитетов и метафор. Какой-либо наиболее значимый поступок главного героя может быть подтвержден у книжника, работающего в стиле «плетение словес», более чем двадцатью цитатами из Библии, говорящими об одном и том же. «Събираа, и приобретаа, и приплетаа похваление» (слова Епифания Премудрого), агиограф, кажется, готов бесконечно описывать какое-то одно явление, оставляя на время общий ход повествования, будто забывая о нем. Именно так начинает свое произведение и митрополит Иларион. Его вступление несколько оторвано от темы повествования и призвано просто настроить реципиента на возвышенный лад. И чем пространнее будет восхваление Бога, чем искуснее автор подберет амплификацию, тем, очевидно, успешнее он достигнет своей цели — возвысить читателя и слушателя над действительностью и подготовить его к принятию духовной пищи — последующего рассказа о Законе и Благодати.

В приведенном отрывке из Слова можно видеть и синтаксические повторы, и использование глагольной рифмы (рифмы, которые пока можно называть этим термином лишь с достаточной степенью приблизительности, подчеркнуты): «идольскимъ мракомъ одержимъ быти и бѣсовскимъ служеваниемъ гьбнути»; «Къ живущимъ бо на земли челоукомъ въ плоть одѣвсья приде, къ сущимъ же въ адѣ распятиемъ и въ гробѣ полежаниемъ сьниде». Очевидно, автор намеренно использует параллельные конструкции как художественный прием, ставя при этом сказуемое на последнее место предложения и тем самым создавая глагольную рифму. Это придает мелодичность произведению и требует размеренного чтения от реципиента. Перед автором стоит та же цель, о которой мы говорили, анализируя прием амплификации: возвысить читателя над житейским, замедлить бег его мыслей и ввести его в спокойное, медитативно-молитвенное состояние. Этой цели, на наш взгляд, служит весь корпус произведений, написанных в стиле «плетение словес», ради нее, думается, он и возник в средневековой литературе. И внутренняя направленность таких произведений на создание молитвенного настроения, и такие приемы, как параллелизм и глагольная рифма, роднят эти проповеди и позднесредневековые жития с литургическими сочинениями древности, то есть с богослужением.

Но не только стилистические особенности сближают между собой произведение Илариона Киевского и литургические тексты. Отдельного внимания заслуживают конкретные заимствования из богослужения, используемые митрополитом Иларионом. Заимствования также являются одним из характерных приемов стиля «плетение словес» и часто встречаются в про-

¹³ См. об этом: Кириллин В. М. Епифаний Премудрый : Умозрение в числах о Сергии Радонежском // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Сб. 6, ч. 1. С. 115.

изведениях таких мастеров этого стиля, как Епифаний Премудрый¹⁴ или Григорий Цамблак.¹⁵

Подробное исследование текста «Слова о Законе и Благодати» с точки зрения библейских, святоотеческих и богослужебных заимствований представил А. К. Акентьев.¹⁶ Ученый вычленил из текста проповеди абсолютно все парафразы, реминисценции и аллюзии на те или иные литературные источники. Проведенная им работа свидетельствует о довольно специфическом отношении древнего автора к творческому литературному процессу: создание нового текста — это одновременно и создание компиляции из отрывков других текстов, но компиляции столь искусной, что новый текст читается как оригинальный, а угадываемые читателем отрывки, парафразы и аллюзии служат для создания некоего подтекста в произведении. На наш взгляд, особенно интересны в этом смысле богослужебные заимствования. В отличие от библейских и святоотеческих, то есть таких, которые являются своеобразной отсылкой к авторитетному автору, литургические цитаты и реминисценции служат исключительно эстетической цели. Такие заимствования, с одной стороны, делают текст более лиричным и ритмичным, а с другой — соотносят проповедь с определенными церковными праздниками, поскольку каждое богослужение имеет определенную календарную приуроченность.

Мы не станем рассматривать все литургические амплификации и реминисценции в тексте Слова, их слишком много, но укажем на наиболее очевидные и прямые заимствования.

Так, фраза «Кто бо великъ, яко Богъ нашъ. Тъ единъ творяи чюдеса», дважды повторяющаяся в проповеди Илариона,¹⁷ является заимствованием из великого прокимна, исполняемого на вечерне в самые большие господские праздники:¹⁸ «Кто Богъ велий, яко Бог наш, Ты еси Бог, творяи чюдеса».¹⁹ Характерно, что некоторые словесные изменения в заимствованной цитате («бо велий» вместо «Богъ велий», например) свидетельствуют о цитировании богослужения по памяти — и в этом тоже проявляется сходство с творчеством Епифания Премудрого, который, как известно, даже Евангелие цитировал по его богослужебному варианту, то есть на память, так, как привык слышать за богослужением.²⁰

Иларион чаще всего прибегает к цитированию прокимнов и антифонов. Оба литургических жанра являются богослужебным использованием от-

¹⁴ *Shumilo S.* The System of Divine Service Quotations in the Life of Stephen of Perm // *Scrinium*. N. Y., 2011. V. 7—8. P. 196—216.

¹⁵ *Шумило С. М.* Богослужебные тексты как литературный источник средневековой проповеди : Поучения Григория Цамблака // РЛ. 2017. № 3. С. 158—164.

¹⁶ *Акентьев К. К.* «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ, Син. 591 // *Byzantinorossica*. СПб., 2005. Т. 3. С. 116—121.

¹⁷ См.: Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона. С. 26, 36.

¹⁸ Так, великий прокимен исполняется на праздники Пасхи, Фомина Воскресения и Троицы, а также — на праздник Рождества Христова, как это следует из текстов богослужений на указанные праздники.

¹⁹ Триодь цветная. РГБ, ф. 301.1 (собр. ТСЛ), № 399, л. 117.

²⁰ *Вигзелл Ф.* Цитаты из книг Священного Писания в сочинениях Епифания Премудрого // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 232—241.

дельных строк из Псалтири, и в тексте проповеди их можно было бы принять за цитирование Псалтири, если бы все они не относились к наиболее почитаемым господским праздникам Триодного цикла — то есть цикла богослужений Великого поста и Пасхи. Так, завершая вторую часть проповеди, Иларион приводит целую цепочку антифонных стихов и прокимнов, указывая, что это слова царя Давида («...и Давыдъ»):

«„Да исповѣдятся Тобѣ людие, Боже, да исповѣдятся Тобѣ людие вси!“;

и: „Вси языци въсплещѣте руками и въскликнѣте Богу гласомъ радости, яко Господь вышний страшень, царь великъ по всеи земли“;

и по малѣ: „Поите Богу нашему, поите; поите цареви нашему, поите, яко царь всеи земли Богъ, поите разумно. Въцарися Богъ надъ языки“;

и: „Вся земля да поклонитъ Ти ся и поеть Тобѣ, да поеть же имени Твоему, Вышний“;

и: „Хвалите Господа вси языци, и похвалите вси людие“;

и еще: „От вѣстокъ и до западъ хвално имя Господне. Высокъ надъ вѣсми языки Господь, надъ небесы слава Его“;

„По имени твоему, Боже, тако и хвала твоя на коньчих земля“;

„Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упование вѣсми концемъ земли и сущиимъ въ мори далече“;

и: „Да познаемъ на земли путь Твои и въ вѣсмихъ языцѣхъ спасение Твое“;

и: „Царие земьстии и вси людие, князи и вси судии земьскыи, юношѣ и дѣвы, старци съ юнотами да хвалятъ имя Господне“.²¹

Проповедник, цитируя псалмопевца и указывая на источник, приводит слушателю целый ряд легко узнаваемых и часто используемых в богослужении цитат. В приведенном отрывке перед нами последовательно изложены тропарь из службы на водосвятие, прокимен на четверг Светлой седмицы, аллилуарий на Пасху и Вознесение, антифоны на Вознесение. Все стихи связаны с триодным циклом, кроме прокимна на водосвятие, который, кроме светлой седмицы, используется на любом другом водосвятии. Иными словами, автор, используя прием заимствования из литургических текстов, создает аллюзию на Триодъ, а следовательно — на ее основные идеи: страдания, домостроительства Божьего и со-воскресения всего человечества. Знаменательно, что это те самые идеи, о которых митрополит Иларион говорит в самом начале проповеди, в рассмотренном нами ранее введении к произведению.

Иларион Киевский широко использует и такой характерный для «плетения словес» художественный прием, как повтор тропов. Особенно часто повторы встречаются, когда проповедник толкует богочеловеческую природу Христа:

«Яко человекъ бо утробу матерню растяше, и яко Богъ изиде, дѣвства не врѣждь;

яко человекъ матерне млѣко приать, и яко Богъ пристави ангелы съ пастухы пѣти: „Слава въ вышнихъ Богу“;

яко человекъ повиться въ пелены, и яко Богъ вълхвы звѣздою ведяше;

яко человекъ възлеже въ яслехъ, и яко Богъ от волхвъ дары и поклонение приать;

²¹ Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона. С. 42.

яко человекъ бѣжааше въ Египеть, и яко Богу рукотворения египетъскаа поклонишася;

яко человекъ прииде на крещение, и ако Бога Иорданъ устраився, възвратися;

яко человекъ, обнажився, вълѣзе въ воду, и ако Богъ от Отца послушство приать: „Се есть Сынъ мой възлюбленый”;

яко человекъ постися 40 днии и възалка, и яко Богъ побѣди искушающаго». ²²

В приведенной цитате наблюдаем анафору — все синтагмы начинаются с одинаковых конструкций: «яко человекъ» или «яко Богъ», и это придает особую ритмичность и поэтичность произведению. Можно говорить и о параллелизме синтаксических конструкций: каждое предложение состоит из двух частей, первая из которых содержит информацию о человеческом естестве Христа, а вторая — о божественном. Как известно, именно параллельные синтаксические конструкции Д. С. Лихачев особенно выделял в произведениях древнерусской литературы, рассматривая отдельно случаи стилистической симметрии как художественный прием, заимствованный древнерусскими книжниками из Псалтири. ²³

Соединяя в одном предложении прямо противоположные по смыслу изречения о Христе, автор добивается эффекта парадоксальности. Особенно ярко это отражено в том случае, когда проповедник использует словесный повтор для подчеркивания прямо противоположных явлений, как в предложении: «яко человекъ бѣжааше въ Египеть, и яко Богу рукотворения египетъскаа поклонишася». Подобные фразы написаны в лучших традициях «плетения словес»: здесь и повтор, и анафора, и параллелизм, и парадоксальное соединение несоединимого, и избыточность — поскольку предложение находится в ряду подобных ему, и количество таких синтагм насчитывает не один десяток.

Прием парадоксального изречения о Боге, который мы наблюдаем в приведенном отрывке, — один из самых распространенных в богослужебной литературе и в литературе «плетения словес». Парадоксальные соединения возвышенного и обыденного, велеречия и молчания, эмоционального напряжения и спокойствия отмечаются в произведениях многих авторов Средневековья, причем не только в литературе, но и в иконописи, и певческом искусстве. Особенно ярко стремление к парадоксальным соединениям несоединимого отражено в житийной и проповеднической литературе Болгарии в период второго южнославянского влияния. ²⁴ Парадокс, как и все художественные средства, безусловно, оказывает эстетическое воздействие (он служит особенно обостренному восприятию), но при этом всегда «апеллирует к логическому сознанию и, следовательно, представляет собой качественно новое явление в языковой структуре текста». ²⁵ Противоречи-

²² Там же. С. 34.

²³ Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 2001. С. 155.

²⁴ Калиганов И. И. Тысячелетние традиции болгарской литературы // Родник златоуструйный: Памятники болгарской литературы IX—XVIII веков. М., 1990. С. 3—34.

²⁵ Глазунова О. И. Парадокс как принцип организации текста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1998. № 3. С. 40—56.

вость — неотъемлемый признак святости в понимании средневекового книжника. Чем меньше внешнее, тем больше внутреннее, чем труднее телесная жизнь, тем сладостней духовная. Перед нами парадокс уже не логического уровня, а гораздо более высокого — мировоззренческого. С. С. Аверинцев, рассуждая о парадоксальности христианского мировоззрения, пишет: «Парадоксальные антиномии „неслиянного и нераздельного” совмещения Бога и человека в личностном единстве воплощенной второй ипостаси, такого же совмещения человеческой муки и радостной божественной победы в страданиях Христа, и так далее, определяют собой коренную специфику христианства. Божественная слава Христа мыслится осуществляющей себя не где-то над Его человеческим унижением, а внутри него. Так же парадоксально земное бытие человека, в котором соединены богоподобие и ничтожество...».²⁶ Тот же исследователь отмечает, что само греческое слово «то παράδοξον», часто используемое в гимнографии, древнерусские книжники переводили как «чудо» или «таинство».²⁷ Не случайно и митрополит Иларион использует прием парадоксального соединения антиномий, столь характерный для гимнографии Православного Востока. Сравним, например, несколько антиномий Илариона с одним из известнейших песнопений — ирмосом девятой песни канона на Рождество Христово.

Так, Иларион пишет:

«...яко человекъ повитъся въ пелены, и яко Богъ вълхвы звѣздой ведяше; яко человекъ възлеже въ яслехъ, и яко Богъ от волхвъ дары и поклонение приагъ;

яко человекъ бѣжае въ Египеть, и яко Богу рукотворения египетскаа поклонися...».²⁸

В ирмосе хотя не используются приемы анафоры, как у Илариона, но заостряется внимание слушателя на антиномиях:

«Таинство (в греческом оригинале здесь: «то παράδοξον». — С. Ш.) странно вижу и преславно, небо суще пещеру, престоль херувимскыи — дѣвица, ясли — вѣмѣстилище, в них же възлеже невѣстимыи Христос Бог...».²⁹

Подобные рассуждения о Христе, который совместил в себе два несовместимых начала — божественное и человеческое, — часто встречаются в службах, связанных с Рождеством: на само Рождество, его предпразднество и попразднество, Благовещение, рождество Иоанна Предтечи. Думается, антиномические сочетания для древних гимнографов были определенным художественным приемом, и этот прием со временем перешел в проповедническую литературу, о чем свидетельствуют проповеди митрополита Илариона и Григория Цамблака,³⁰ и далее — в агиографию, что следует из анализа произведений Епифаний Премудрого.³¹

²⁶ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 229.

²⁷ Там же.

²⁸ Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона. С. 34.

²⁹ Миней служебная, декабрь. XV в. РГБ, ф. 301.1 (собр. ТСЛ), № 504, л. 323.

³⁰ Шумило С. М., Олексенко Я. С. Специфіка художнього стилю київського митрополита Григорія Цамблака // Афонська спадщина : Альманах. Київ; Чернігів, 2016. С. 108—120.

³¹ Авласович С. М. Роль парадокса в Житии Сергия Радонежского, написанного Епифанием Премудрым // Пушкинские чтения. 2005. Мат-лы X науч. конф. «Пушкинские чтения». СПб., 2005. С. 221—227.

В произведении Илариона Киевского нередко встречаются цепочки синтагм и синонимические перечисления, столь характерные для стиля «плетение словес».

«Радуйся, учителю нашъ и наставниче благовѣрию! Ты правдою бѣ облѣченъ, крѣпостию прѣпоясанъ, истиною обутъ, съмысломъ вѣнчанъ и милостынею яко гривною и утварью златою красуюся. Ты бѣ, о честнаа главо, нагымъ одѣние, ты бѣ алчньнымъ кърмитель, ты бѣ жаждющимъ утробѣ ухлаждение, ты бѣ вѣдовицамъ помощник, ты бѣ страннымъ покоище, ты бѣ бескровнымъ покровъ, ты бѣ обидимымъ заступникъ, убогимъ обогащение».³²

Цепочки синтагм, являющиеся синонимическими восхвалениями того или иного святого, представляют собой акафистную конструкцию и активно будут использоваться книжниками позднего Средневековья, в частности Епифанием Премудрым.³³

Иными словами, все основные художественные приемы орнаментального стиля без труда обнаруживаются в произведениях митрополита Илариона, которые, таким образом, могут рассматриваться как литературный источник для авторов второго южнославянского влияния и как собственно произведения стиля «плетения словес». На наш взгляд, произведения русских проповедников XII—XIII вв. станут образцами для таких мастеров стиля «плетения словес», как Епифаний Премудрый, митрополит Киприан Киевский, Григорий Цамблак или Пахомий Логофет. Небезынтесным представляется сравнение произведений ранних русских авторов, митрополита Илариона и Кирилла Туровского, с орнаментальным стилем афоно-сербской литературы, а именно — с произведениями Доментиана и Феодосия Хиландарских, а также — с произведениями болгарских писателей позднего Средневековья — Григория Мниха и Евфимия Тырновского. Думается, расширение хронологических границ стиля «плетения словес» до ранней киевской литературы позволит исследователям пересмотреть как историю орнаментального стиля, так и его художественные особенности.

³² Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона. С. 52.

³³ *Шумило С. М.* Акафистные конструкции в Житии Сергия Радонежского // Преподобный Сергий Радонежский : История и агиография, иконописный образ и монастырские традиции : Сборник мат-лов конф. М., 2014. С. 133—138.